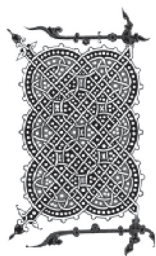


# НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2023 Г. П. Дурасов  
Москва, Россия



## СЕЛЬСКИЕ РАССТРЕЛЫ БЕЗ СУДА И СЛЕДСТВИЯ В 1920-е ГОДЫ

*Аннотация.* Документальный очерк посвящен малоизученному явлению – красному террору, в частности внесудебным расправам, в сельской России 1920-х годов. Автор приводит воспоминания своих родных, от которых слышал рассказы о подобной практике советской власти в ранние годы ее существования. В очерке показаны очевидный антинародный характер новой «народной власти», ее законы, направленные на поддержку террора, организация по всей стране инструментов устрашающего воздействия на население: жестокость, стремительность и часто внесудебный характер наказаний, опора на военную силу, использование иноэтничного воинского контингента, легализация доносов. Опираясь на материалы «Смоленского архива», автор показывает, что сохранившиеся в их семье памятные свидетельства подтверждаются документами. Также дается обоснование необходимости совершенствования правоприменительной практики по реабилитации жертв политических репрессий.

*Ключевые слова:* красный террор, советская власть, внесудебные расправы, крестьянские восстания, подавление восстаний армейскими частями, «Смоленский архив», Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», правоприменительная практика.

*Ссылка при цитировании:* Дурасов Г. П. Сельские расстрелы без суда и следствия в 1920-е годы // Традиции и современность. 2023. № 35. С. 68–80

---

**Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich)** – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., эл. почта: [gpd1945@yandex.ru](mailto:gpd1945@yandex.ru)

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 35. С. 68–80

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161 ; ББК – 83.3(Рус)1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-35/68-80>

### *Красный террор*

Шла третья неделя ноября грозного 1918 года. В середине дня, 19 ноября, в деревню Груздево Клушинской вол. Гжатского у. въехал вооруженный конный карательный отряд красноармейцев...

Два с половиной месяца назад, а точнее, пятого сентября, большевистское правительство молодой страны Советов объявило «красный террор». А три дня спустя правительство опубликовало постановление «О красном терроре». За день до принятия этого постановления народный комиссар внутренних дел подписал приказ «О заложниках». При малейшей попытке сопротивления властям – массовый расстрел. Красный террор охватил всю страну. Революционный террор и революционная законность стали тогда основой жизни на многие годы.

Самое большое в Гжатском у. село Клушино, что в девяти верстах от Груздево, хорошо известно со времён Смуты. После октябрьского переворота 1917 г. коммунист Иван Сушкин установил здесь советскую власть. Сам он из местных. Поехал в Петербург на заработки, а вернулся большевиком-подпольщиком. И в родные места приехал уже военным комиссаром. Твердой рукой выполнял директивы молодого советского правительства. А они не всегда совпадали с народными интересами. «Железной рукой загоним человечество к счастью!» – любили говорить тогда большевики.

Серьезное недовольство вызывали у крестьян и повальные принудительные мобилизации. Деревенский люд заставляли отдавать своих сыновей для пополнения Красной армии. А мобилизованных новобранцев нередко посылали подавлять крестьянские выступления.

Серьезное недовольство вызывала у жителей деревни еще и продразвёрстка. У крестьян силой стали изымать «излишки» хлеба. А откуда в 1918 г. могли образоваться «излишки» основного продукта питания крестьянской семьи? Летом посевы хлебов были выбиты градом. Весь уезд жил тогда впроголодь. А осенью, когда урожай собрали, остро почувствовали недород хлеба. К тому же основная масса сельских жителей в этих краях была недокормленной, вдоволь наедались лишь на Рождество да на Пасху.

А на селе как раз в ту пору бесчинствовали продотряды – основные исполнители продовольственной диктатуры пролетариата. Насильно, сверх меры, много раз подряд изымали и без того скудные запасы крестьянского хлеба. А чем жить семье до нового урожая и где взять зерно для весеннего сева – это никого не интересовало.

В июне 1918 г. правительство издаёт декрет о создании комитетов бедноты. И Гжатский уездный

совет призывает к немедленному созданию комбедов, усилению действий продотрядов и введению имущественного налога.

Прежде единую сельскую общину разделили на богатых и бедных, натравили одних на других. Не только на кулаков-мироедов, но даже на истинных сельских тружеников, работающих середняков, ополчились доносчики из комитетов бедноты.

Деревенский бедняк был наречен «ключевым оплотом советской власти в сельской местности» и был призван «вырвать с корнем всё белогвардейское семя из трудовой среды».

Осенью 1918 г. чаша народного терпения была переполнена. А тут в Гжатском и в других уездах Смоленской губ. была проведена мобилизация сразу трёх возрастов. Тогда же началась мобилизация лошадей и сбор продразвёрстки. Собирались еще и взимать с населения волостей так называемый чрезвычайный налог в несколько миллионов рублей на уезд. Всего этого деревенский люд вынести уже не смог. Люди, у которых отбирали хлеб, не могли не протестовать!

Крестьянские волнения против советской власти вспыхнули 14 ноября 1918 г. в соседнем с Гжатским Медынском у. Калужской губ. А точнее, в Корытовской вол., пограничной с Московской и Смоленской губерниями. И только полыхнуло в Калужской земле зарево крестьянского восстания, так сразу же стало известно об этом в Гжатске. И в тот же день из уездного центра поступил приказ волостным военкомам сдать всё имеющееся на руках оружие.

В Мишинской вол., а она была на пути из Медыни к Гжатску, накопилось к тому времени на руках у крестьян большое количество винтовок, особенно фронтовых трёхлинеек. Возвращавшиеся с фронта недавние солдаты не должны были сдавать своё оружие и прибывали из армии вооружёнными. В тот же день в Мишино нагрузили две подводы винтовок и в сопровождении четырех человек отправили в Гжатск.

А на следующий день повстанцы из Медыни совместно с восставшими в южных волостях Гжатского у. крестьянами громили ненавистные им волостные советы. Волна народного гнева докатилась и до Мишинской вол. Дух неповиновения уже носился в воздухе. Народ вышел из прежнего мирного состояния. Уроки революционной смуты не прошли даром. Теперь это был уже новый, рожденный революцией народ, готовый к пролитию крови. И восстал брат на брата. Толпа жителей арестовала представителей местной советской власти, и их посадили в холодный амбар.

17 ноября на железнодорожной станции Тёмкино высадился конный отряд красногвардей-

цев-латышей, направленных на подавление народных волнений. Отряд держал путь на Гжатск через Мишино, а здесь уже разгорелось зарево народного восстания. Конных красноармейцев встретила толпа местных жителей. Крестьяне не хотели пропускать их в город и изрядно потрепали верховых красноармейцев, так что те насилу унесли ноги. А дюжину избитых красноармейцев к тому же арестовали и посадили в амбар, где сидели насмерть перепуганные работники местных советов. Из толпы раздавались голоса: «Расстрелять!». Но крестьяне не хотели кровавой расправы над арестованными. И вскоре те оказались на свободе.

16 ноября полыхнул народный гнев и в Семёновской вол. Глава уездного комитета РКП(б) и одновременно председатель уездного исполкома Советов Михаил Ремизов помчался с караульным батальоном на расправу с восставшими крестьянами. А в деревне Баскаково, что находилась недалеко от Гжатска, уже собралось до трёх тысяч крестьян. В захвате города участия они не приняли. Но и без их помощи Гжатск был взят восставшими.

Против кого же были направлены стихийные выступления отчаявшихся крестьян, униженных антинародной социальной и экономической политикой советской власти, узаконившей грабеж деревни, в Гжатском у. Смоленской губ.?

В основном против работников репрессивных органов: против руководителя местного ЧК Фрица Эйзенарма и сотрудников ЧК Михаила Годунова и Василия Ильина, председателя трибунала Николая Киселя, комиссара Лазаря Цыпкина. В Пречистинской вол. – против военкома Ивана Сушкина. В Корытовской вол. – против председателя комбеда Николая Похлёбкина. В Чальско-Дарской вол. – против Василия Чернова. Последний был секретарём местной ячейки РКП(б) и активно помогал проводить продразвёрстку и конфискацию коров у населения. В этот раз народная ненависть сделала своё дело: они были убиты. В то же время военного комиссара Клушинской вол. Василия Огурцова восставшие не тронули.

Напуганный происходящими событиями Михаил Ремизов немедленно, из Дровнино, связывается с Москвой. Он просит, во что бы то ни стало, подмогу. И уже утром 18 ноября на подавление мятежа в Гжатск прибывает бронепоезд «имени тов. Ленина» с отрядом красноармейцев. Восставшие бегут из города. К исходу того же дня стихийное крестьянское выступление закончилось безрезультатно. Повозмущались, пошумели правдоискатели и, ничего не достигнув, разошлись и разъехались по своим домам.

Но большевистские руководители Гжатского у. не на шутку были напуганы. «Это ненавистники

советской власти, кулаки, капиталисты и белогвардейские банды, пользуясь темнотой и малосознательностью населения, устроили», – объясняли они причины восстания. Представители местной власти решают послать против недовольных бунтовщиков регулярные части и подразделения Красной Армии. И немедленно были затребованы вооружённые армейские и чекистские подразделения из соседнего Волоколамского у. Московской губ. и даже из самой Москвы. Таким образом, для борьбы с восставшими были привлечены крупные воинские подразделения, артиллерия, пулемёты и даже бронепоезд имени Ленина. «Самый беспощадный террор... расстреливать на месте без суда!...». По неполным подсчётам, число убитых и расстрелянных восставших тогда исчислялось сотнями.

#### *Расстрел груздевских крестьян*

Красноармейский конный карательный отряд был направлен по деревням уезда для выявления и наказания «контрреволюционных элементов». В руках у командира отряда уже был донос местного комитета бедноты. Написал его на своих соседей груздевский крестьянин-бедняк Иван Шамориков, которого груздевцы называли между собой просто Шаморик. Его семья состояла из одних дочек: «Не дал Бог сыновей Ваньке». В деревенском хозяйстве у каждого члена семьи были свои обязанности. А много ли толку от девок в тяжёлом крестьянском труде?! Но сами дочери Шаморика от этого не очень-то страдали. Знай себе лузгали семечки, сидя на завалинке.

Одним из первых в доносе Ивана Шаморикова стояло имя 42-летнего многодетного крестьянина-середняка Николая Ильича Дурасова. В его семье было четыре сына, четыре дочки, жена да старики-родители. Николай Ильич был справным крестьянином. На своей полосе сеял хлеб. На огороде выращивал необходимые для пропитания семьи овощи. В его саду плодоносили сортовые яблони. К тому были ещё и колоды с пчелами. Кроме домашнего скота – коровы, овец, птицы – был, на зависть соседу, хороший жеребец по прозвищу Мальчик. Купил его Николай по случаю, на гжатском базаре. Да и не так дорого, потому как умел Николай хорошо поторговаться. Ведь основным его занятием в анкете Сельскохозяйственной переписи 1917 г. так и значилась: «Торговля лошадьми». В лошадях он знал толк и сразу понял: конь прежде был армейским. А однажды подвернулось под стать коню ещё и хорошее офицерское седло. Николая Ильича, как знатока лошадей, соседи просили выбрать им хорошую лошадку для крестьянского хозяйства. Ну и, конечно, благодарили за услугу небольшим барышом. Так было заведено испокон века. За глаза

худые языки назвали его «барышником».

Но не это было основной чертой сердобольного Николая Дурасова. Собираясь в студеную пору в дорогу, он всегда брал с собой лишний тулуп. Встретит на дороге нищего, посадит в сани, укроет тулупом, расспросит о житье-бытье и привезёт домой. Отогреет, накормит, баню истопит, даст ночлег. Жена взмолится в отчаянии: «Отец, ты и вшивых домой везёшь. Заразить нас всех могут». «Не бранись, Еленушка, – утешал он жену, – у нас с тобой и крыша над головой есть, и одежда, и кусок хлеба. А они все в этой жизни потеряли».

В тот роковой день 19 ноября 1918 г. большая семья Николая Ильича Дурасова сидела за обеденным столом. Изба его была небольшая, перегороденная на две половины. Слева – комната с родительской кроватью под цветастым ситцевым пологом, скрывающим тайну брачного ложа родителей. Справа, в углу под образами, обеденный стол. Близ стены – печь-кормилица. Под иконами сидели отец и его старые родители – дед Илья и бабка Феклисия. Вокруг стола – взрослые и малые дети. У каждого своя ложка с особой зарубкой – с чужой не перепутаешь. Скучный каравай хлеба из муки нового урожая был тонко нарезан ломтями.

Мать Елена Фёдоровна начерпала из чугунка в большую деревянную чашу рыбные щи со свежей капустой и поставила посреди стола. Дед Илья поднял свою ложку, стукнул о край чаши. Это значило, что все могут хлебать только щи, куски рыбы же не трогать. Взрослые и дети потянулись ложками к чаше. Зачерпнут, кусок хлеба под ложку подложат, чтобы не расплескать на стол, и несут до рта.

Младшая смышлёная Шурка подцепила ложкой кусок рыбёшки, хотела незаметно в рот отправить. Да дед Илья по старшинству зорко следил за порядком во время еды. Он облизал свою ложку и легонько стукнул ослушницу по лбу: «Не балуй! Не нарушай чина». Шурка от обиды заревела. Не слушала уговоров, не унималась.

Отец открыл окно, взял её под мышки и высадил на завалинку. «Прокричишься – посажу за стол».

Шурка сразу же перестала реветь – зябко на улице. А через минуту уже тревожно стучала в оконное стекло: «Тятя, тятя, смотри, смотри: верховые едут». Николай Ильич привстал с лавки и посмотрел в окно: из леса в деревню въезжал вооруженный конный карательный отряд...

Трое красноармейцев шумно вошли в избу. Все молодые, одеты в новую форму, словно с иголки. Сапоги поблескивают, кожаные ремни и портупей поскрипывают.

– Кто Николай Ильич Дурасов? – грозно спросил старший по чину с акцентом.

– Я, – привстав, произнес отец.

– Где прячешь оружие? Где листовки? – испытующе-грозно спросил он.

«Это не русские, видно, латыши, латышские стрелки», – пронеслось у Николая в голове.

За столом все от испуга словно приросли к лавкам, боясь пошевелиться.

– Нет у меня никаких листов. И оружия нет, в армии не служил, – твёрдо, но с тревогой в голосе ответил Николай.

– Ищите повсюду. Один – на чердак, другой – в комнату, быстро! Под обоями ищи!

Первый красноармеец вышел в сени, поднялся по скрипучей лестнице на чердак. Было слышно, как он переходит с места на место, что-то ворочает, чем-то гремит, штыком в сено тычет. Спускается по лестнице и входит в избу, неся перед собой то самое недавно купленное для Мальчика седло.

– О-фи-цер-ское седло! – с нескрываемой ехидной радостью проговорил командир. – Где взял? – порывисто-резко обратился он к Николаю Ильичу. Его бездонно-карие глаза загорелись каким-то холодным блеском. – Говори, – приказал он.

– Купил по случаю... в Гжатске... на базаре... неделю тому, – объяснял Николай.

– И вчера был с повстанцами в Гжатске, – испытующе посмотрев прямо в глаза Николаю Ильичу колючим взглядом, спросил он. И, не дожидаясь ответа, словно полоснул ударом шашки: «Будем раз-би-раться, контра недобитая». «Живей ищи белогвардейские листовки, под шпалерами ищи, – скомандовал он солдату, орудовавшему в комнате. – Оружие ищите, о-ру-жи-е», – командир повелительно махнул рукой красногвардейцу, сам внимательно следил за обыском.

Солдат штыками поддевал года два тому наклеенные на тесаные бревенчатые стены обои, брал за оторванный лоскут и, отдирая холстом от стены, бросал на пол.

Прошло еще полчаса. Солдат усердствовал, но ничего больше так и не нашёл.

– Все верх дном перевернул, товарищ командир. Ничего не нашел, – сказал солдат, показывая на чисто вымытый пол, забросанный цветной лохмато-рваной обоей бумагой.

Мать Елена Фёдоровна наказала младшим Андрейке, Шурке и совсем маленькой Клавке лезть на печку и оттуда ни-ни.

Старики – дед Илья и бабка Феклисия, – бледные, ни кровинки в лице, перепуганные до смерти, краше в гроб кладут, сидели, словно приросли к лавке, рядом с сыном Николаем.

Командир нет-нет да и поглядывал колючим взглядом в сторону Николая Ильича, а старикам представлялось, что это он их сверлит насквозь глазами. Но вдруг взглядом своим командир впил-

ся в стоявшую около печи, рядом с матерью, белолицую, с румянцем на щеках, семнадцатилетнюю Татьяну. Взгляд его потеплел.

– Подай мне воды испить, – обратился красноармейский командир к Татьяне. Та потянулась было за ковшом, но Елена Фёдоровна отстранила дочь, зачерпнула из ушата воды и поднесла латышу.

Обыск длился, казалось, целую вечность. А всего прошло-то два часа, о чем надрывно прокричала кукушка на часах-ходиках.

За это время нашедший седло шустрый красноармеец успел обыскать двор и хлев. И свернул шею двум попавшимся под руку курицам. Еще предсмертно вздрагивающих тащил за лапы. Наскоро бросил в печь несколько поленьев, развел огонь и прямо на полыхающие огнем дрова кинул неоципанных птиц. «Дел в деревне ещё немало, а есть дюже хочется», – оправдываясь, проговорил он, смотря в глаза командиру. Но тому было не до него.

В избе Николая Дурасова все перевернули верх дном. Но ни «эсеровско-белогвардейских листовок», ни припрятанных ассигнаций, ни оружия не нашли. Не нашли ничего, кроме злополучного офицерского седла. Зато седло это было решено сделать важной уликой против хозяина дома.

– Не мог же комбедовец ошибиться. Ты хитрая контра, с тобой надо особо разобраться, – злобно прохрипел красноармейский чин.

– Повели, – скомандовал он солдатам.

– Отец, отец, постой, – заревела в голос Елена Фёдоровна, – куда, куда тебя повели-то?

Дед Илья и бабка Феклисия поворотились к иконам, крестясь, запричитали полупшепотом: «Господи, Матерь Пресвятая Богородица, святитель отче Николае... помогите... спасите и сохраните...».

– Дайте же с мужем проститься, – насилиу прохрипела Елена Фёдоровна, встав между мужем и красноармейцами-латышами, заподозрив неладное и словно прикрывая его собой.

Она подскочила к арестованному Николаю. Солдаты расступились.

– Погодьте, дайте проститься. – Отступил на шаг и старший красноармеец.

– Отец, отец, родной мой, – причитала она, – прости меня, если что не так.

Из глаз её на грудь мужа брызнули слезы. Да и сам Николай, с трудом сдерживаясь, поворотился в сторону своих малолеток, беззвучно замерших на печи:

– Милые детки, маму... слушайте... Таня, Сережа, Вася, – обратился к старшим, – матери помогите...

За его спиной глухо стукнула дверь, порывисто закрытая красноармейцем.

...Обыски шли и в домах соседей: у Матвея Дурасова, у Забелиных, Алексеевых, Яковлевых, Соболевых и других деревенских жителей. Но и там ничего «контрреволюционного», ничего «супротив советской власти» так и не нашли. Но основной целью этого карательного отряда красноармейцев-латышей были не поиски улик. Селян надо было сильно и надолго запугать. И среди жителей деревни Груздево были взяты в заложники несколько крестьян. До особого указания из Клушина их заперли в холодном и темном амбаре. У амбара запоры крепкие, не убежать. И часового поставили. Впереди была промозгло-холодная, чёрная, гнетущая ночь...

Мать семейства, Елена Фёдоровна, как единственную надежду на спасение мужа держала в руках бумагу из сельсовета, в которой подтверждалось, что Дурасов Николай Ильич, крестьянин деревни Груздево, 18 ноября 1918 г. из деревни никуда не отлучался. Этот документ как можно скорее надо было доставить в Клушино. «Там всё начальство, – сказали ей, – и военный трибунал там».

«Кого просить без промедления доставить эту бумагу начальникам? – думала Елена Фёдоровна. – Попрошу мужа сестры Ефросиньи – Алексея Фёдоровича, он и в солдатах служил, и порядки знает».

– Сестрица, – отговаривалась Ефросинья, – а если нас, как трактирщиков, заберут?

В своем доме они давали ночлег и горячую пищу проезжавшим путникам. Барыш был небольшим, но в деревенской жизни, в натуральном хозяйстве, каждая копейка была не лишней.

В ноябре темнеет рано. А к вечеру того дня подул с северо-запада, заволокло тучами небо и заморосил мелкий пронзительно-холодный дождь. «До Клушина восемь верст и все по грязи. И обратно столько же. Верхом ехать нельзя, часовые застрелят». Так Алексей судил и рядил со своей женой Ефросиньей. Елена Фёдоровна молча сидела у двери на лавке и только проронила: «Эта бумажка ценой в человеческую жизнь, быть может». Но её слов никто не услышал. Решили никуда на ночь глядя из дома не выходить. А утро вечера мудренее.

Ночь была холодной. Наспех покинувшие не по своей воле дома заложники не успели даже накинуть на плечи одёвку потеплее. В чем были дома, в том их и арестовали. Не могли и подумать, что жизни их вдруг так круто и бесповоротно изменятся. «Спаси, Господи, и помилуй и дай терпения на грядущее испытание...».

В деревне заголосил первый петух. Кончалась истомившая души заложников последняя в их жизни бессонная ночь.

На улице послышался шум, и всё пришло в движение. Отперли большой амбарный замок и

отворили воротину, подвешенную на скрипучих петлях. На дворе по обе стороны стояли красноармейцы с винтовками наперевес.

– Выходи по одному, – скомандовал красноармейский командир.

Заложников повели в сторону Клушина. Но отойдя от Груздева с полверсты, командир красноармейцев приказал всем остановиться. Слева от дороги он приглядел небольшую лесную распадину, где березы и осины словно бы расступились, образуя полянку. Здесь и расстреляли груздевских крестьян. Их так и оставили лежать под низким, морозящим дождливым небом. В дома убитых отправили посыльного со словами: «Идите хоронить, ваши отцы лежат близ дороги».

Хоронить убиенных на приходском Воробьевском сельском кладбище родственникам не разрешили. На братской могиле жертв «красного террора» поставили простой сосновый крест. И власти его не тронули.

Проходившие и проезжавшие мимо братской могилы православных крестьян путники останавливались, осеняли себя крестным знаменем, вспоминая каждого из расстрелянных добрым словом. «Ни за что хороших мужиков сгубили», – говорили они шепотом, боясь, чтобы никто не услышал и не донес на них.

О событиях тех трагических для семьи Дурасовых дней мне много раз с большими подробностями рассказывала и моя мама, Александра Николаевна Дурасова. И ее старшая сестра Татьяна Николаевна Андреева. А в деревне Федюково, где жили груздевы после Великой Отечественной войны, мамина тетка Ефросиния Федоровна и ее муж Алексей Федорович Рябиков. Так что о расстреле деда я помнил даже, казалось бы, незначительные детали.

#### *Под тенью расстрела*

Устрашение народа было средством политики руководителей молодого советского государства. Его армия состояла тогда в немалой своей части из наемных латышей и эстонцев, китайцев и венгров, хорватов, немцев и австрийцев. И, как требовал революционный «красный террор», по приказу не щадя убивали тех, кто был объявлен «контрреволюционером».

Позже оказалось, что груздевских заложников и не собирались вести в Клушино, чтобы расследовать вину каждого из арестованных и затем судить военным революционным трибуналом. Убеждение в виновности по клеветническому доносу было тогда доказательством вины. И отряд красноармейцев-карателей прибыл 19 ноября 1918 г. в деревню Груздево для «зачистки» деревни от ненадежных элементов, то есть физической расправы

с крестьянами с целью устрашения непокорных жителей Гжатского у. Зловещая тень легла на все семьи расстрелянных крестьян. Ведь они в глазах властей были «врагами народа», которых заслуженно покарала безжалостная к своим врагам советская власть.

И в деревне, и в городе велась лютая пропаганда против памяти расстрелянных крестьян и их семей. «Кулацкий бунт», «белогвардейский мятеж» – так большевистская пропаганда заклеимила прокатившиеся по стране многочисленные крестьянские выступления.

Несмотря на то, что и в самом Гжатске стихийное крестьянское выступление 18 ноября полыхнуло и утихло, власти объявили, что «все виновники понесут суровую кару». Не наказание, а кару! В Гжатске в срочном порядке создается военно-революционный комитет (ВРК). До декабря 1921 г. (хотя в 1919 г. прошла амнистия ВЦИК) ВРК преследует жителей Гжатского у., о которых появляются те или иные сведения. Даже если они только могли быть участниками ноябрьских событий 1918 г. Известно, что до 1 декабря 1918 г., по отчету Гжатской чрезвычайной комиссии, было арестовано 433 человека и произведено 29 расстрелов!

А уж для семей расстрелянных крестьян наступает время настоящих гонений. Чекисты проводят скоротечные следствия и облагают селян непомерно большими срочными денежными контрибуциями.

Многие молодые люди и среди них два старших сына расстрелянного Николая Дурасова, Василий и Сергей, были взяты под гласный домашний надзор с коллективной ответственностью за них всего семейства.

Аресты продолжались вплоть до весны следующего 1919 г. И только по доносам волостных и деревенских комитетов бедноты тогда было арестовано 29 крестьян.

Изучавший историю стихийного крестьянского выступления в Гжатском у. в ноябре 1918 г. современный исследователь делает вывод, что «советская власть смогла удержаться исключительно за счет террора и массовых репрессий по отношению к мирным гражданам».

Многие годы под страхом травли и возможно-го наказания находились родственники, близкие и даже однофамильцы казненных. Ярким тому примером служит дело племянника расстрелянного Николая Ильича – Дмитрия Николаевича Дурасова.

#### *Заявление о реабилитации*

«По имеющимся у меня сведениям мой дед Дурасов Николай Ильич, 1876 года рождения, проживавший ранее в деревне Груздево Гжатской воло-

сти Вяземского уезда Смоленской губернии, был в ноябре 1918 года репрессирован по политическим мотивам, арестован по месту жительства и расстрелян. Дед являлся уроженцем деревни Груздево Гжатской волости Вяземского уезда Смоленской губернии и на момент ареста жил своим крестьянским хозяйством. В соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» прошу рассмотреть вопрос о его реабилитации и сообщить мне результат. 1 апреля 2019 года», – писал я в Прокуратуру Смоленской обл.

И через четырнадцать недель я получил ответ на это мое заявление:

«Прокуратура Российской Федерации  
Прокуратура Смоленской области  
15.07/19 №13-107-19

Уважаемый Геннадий Петрович!

По результатам проверки Вашего обращения сообщая, что в прокуратуре Смоленской области, архиве ОРАФ (Управление регистрации и архивных фондов. – Г. Д.) Управления ФСБ России по Смоленской области и ИЦ УМВД (Информационного центра Управления Министерства внутренних дел. – Г. Д.) России по Смоленской области документальных сведений об аресте, осуждении, расстреле, ссылке либо применении иных политических репрессий в 1918 году и последующей реабилитации в отношении Дурасова Николая Ильича, 1876 г. р., проживавшего в д. Груздево Гжатской волости Вяземского уезда Смоленской губернии, не имеется».

И действительно, в этих двух архивах нужных сведений не оказалось.

Но в Смоленске есть еще два больших областных архива: Государственный архив Смоленской области и Государственный архив новейшей истории Смоленской области, ранее называвшийся Партархивом. Именно здесь, как оказалось, и следовало искать следы расстрела груздевских крестьян. Но сохранились ли эти документы до наших дней, ведь история Партархива была трагичной.

В июне 1941 г. гитлеровская армия стремительно наступала. Но кто мог подумать, что войска противника так быстро возьмут Смоленск? Помощник коменданта города Бочкарёв отдал приказ взорвать мост через Днепр раньше, чем состав с вагонами, загруженными архивными папками, переехал на левый берег, где ещё были наши войска.

Сразу после оккупации Смоленска офицеры спецподразделения немецких войск, обнаружив партийные документы, сделали выборку более чем полутысячи дел, представлявших для них наибольший интерес. Недавно стало известно, что весной 1943 г. Гитлер прилетал в оккупированный Смоленск. Провёл здесь целый день, ходил по улицам города, всматривался в лица людей. Пытаясь по-

нять, кто же такие, единственные в Европе, непокорные русские. И для разгадки этой тайны решено было использовать захваченный «Смоленский архив». Но в 1943 г. врага погнали со Смоленской земли. При отступлении на запад папки с архивными документами немцы вывезли из оккупированного города в Германию, в самое безопасное место – в Баварию. Случилось так, что вагоны со «Смоленским архивом» оказались под Мюнхеном, на складе бумажной фабрики, и как вторсырьё архив чуть не попал в переработку.

Война окончилась. В Управлении стратегических служб США узнают, что русские по личному указанию И. В. Сталина всюду ищут пропавший «Смоленский архив». Американцы тайно перевозят его в расположение авиационной части и скрывают в подземном ангаре. Специалисты сразу же начинают изучать его содержимое и понимают, какую ценность представляют для них эти документы.

В основном здесь были дела по истории Смоленской губернской партийной организации и Смоленской партийной организации в составе Западной области. В 1929–1937 гг. Смоленск был центром огромной Западной области, включавшей нынешние Смоленскую, Брянскую, Калужскую и часть Московской, Тверской и Псковской областей. В архиве хранились постановления центральных органов власти, которые вряд ли были в других захваченных немцами архивах.

В этом областном архиве, как в капле воды, отразились все этапы партийной жизни страны. Это была правда для узкого круга. Закрытые и секретные постановления, четкие инструкции, как проводить партийные чистки, кого считать врагом или пособником врага, кого кулаком, как проводить коллективизацию. Здесь хранились протоколы партийных собраний, доносы со зловещими резолюциями. И для исследователя документы эти имели реальную историческую ценность. Конгресс США дает указание не возвращать находку союзникам, а перевезти архив в США и передать Национальному архиву в Вашингтоне.

Все архивные материалы были пересняты на пленку, и исследователи могли получить эти микрофильмы для работы. Зачем засвечивать до поры до времени оригиналы, а это 541 папка с документами за период с 1917 по 1938 г.?

Так западные советологи, социологи и историки получили в свое распоряжение богатейший фактический материал для своих исследований. В годы холодной войны, с середины 1950-х, при полной недоступности советских архивов эти документы были самым активным образом включены в научный оборот и на их основе выросла целая школа американских советологов.

Видную роль среди них сыграл профессор Гарвардского университета Мёрл Фэйнсон. Его исследование «Смоленск под властью Советов», увидевшее свет в 1958 г., стало настольной книгой для нескольких поколений западных советологов. Эта книга, переведенная с английского языка на русский, дважды переиздавалась в Смоленске в 1995 г. В ней мы и нашли документальные свидетельства о том, что Дурасов Николай Ильич действительно был расстрелян отрядом красных за участие в контрреволюционном восстании 1918 г.

В 1958 г. США заявили о своей готовности вернуть Советскому Союзу «Смоленский архив». Тогда наши власти утверждали, что эти документы – фальшивка, «состряпанная» в ЦРУ. Однако в 1963 г. советское руководство уже заговорило о возврате архивных материалов, но продолжало отрицать их подлинность. И лишь в 1991 г. теперь уже российские власти публично заявили: в США находится подлинный «Смоленский архив». Начались долгие переговоры о его возвращении.

В 1992 г. Соединенные Штаты предложили обменять «Смоленский архив» на огромное собрание древних еврейских рукописей, книг и документов. Коллекция была собрана хасидскими раввинами, возглавлявшими с конца XVIII в. центр одной из ветвей религиозного течения в иудаизме «Хабад», в местечке Любавичи, на территории современной Смоленской обл. После революции и Гражданской войны эти никем не востребованные книги и документы были признаны бесхозными и в соответствии с «Декретом о национализации библиотек» переданы в Румянцевскую (ныне – Российская) государственную библиотеку и стали культурным достоянием страны.

13 декабря 2002 г. документы из «Смоленского архива» были возвращены в Россию и переданы представителям Министерства культуры Российской Федерации и Федеральной архивной службы, о чем сообщали средства массовой информации.

Но где сегодня находятся эти документы? На этот вопрос мне ответили в Федеральном архивном агентстве: «Возвращены в Государственный архив новейшей истории Смоленской области».

Обращаюсь к директору этого архива Т. И. Тарасенковой с просьбой найти интересующие меня документы. И архивисты без задержек и проволочек нашли и выслали мне копии: статью из гжатской газеты и переписку по обращению Д. Н. Дурасова в Смоленский обком ВКП(б) – всего восемь страниц текста. Внимательно изучаю копии документов, и в моем сознании возникает ясная картина связанных между собой событий 1918 и 1936 гг.

28 августа 1936 г. в гжатской районной газете «За коллективизацию» была напечатана большая передовая статья, определяющая линию политики партии, которая чуть не стоила жизни теперь уже племяннику расстрелянного в 1918 г. крестьянина – Дмитрию Николаевичу Дурасову. Начинаешь понимать, как легко было тогда опорочить человека, подвести его к тюремному заключению, а то и к расстрелу. Статья называлась «Выше политическую бдительность». Вот ее содержание: «“Закончившийся процесс над контрреволюционной троцкистско-зиновьевской бандой со всей ясностью показал всем трудящимся подлую работу врагов партии, врагов рабочего класса. Кучка мерзавцев троцкистов и зиновьевцев, озлобленная успехами социалистического строительства, вступила в союз с заклятыми врагами трудящегося человечества всего мира – фашистами и стала на путь террора. Эти выродки человечества метили в сердце партии, они хотели отнять тех, кто ведет трудящихся к счастливой и радостной жизни, к коммунистическому обществу – вождей нашей партии, жизнь любимого отца, учителя и вождя народов тов. Сталина. Главари троцкистско-зиновьевской банды расстреляны. Но уничтожена лишь головка. Подлые последыши этой шайки еще не выловлены, не все их контрреволюционные гнезда разысканы и разрушены. Искусно маскируясь, они продолжают то дело, за которое заплатились головами трижды презренные вожаки. Только безнадежные политические слепцы, утратившие революционную перспективу, потерявшие чувство ответственности перед партией и страной, могут сказать, что с уничтожением троцкистско-зиновьевской головки борьба прекращается” (“Правда”). Враги народа еще не раз попытаются напасть на нашу страну. Враг будет изворачиваться, действовать различными скрытыми методами борьбы против партии, против народа. У каждого коммуниста, у каждого честного трудящегося должна быть усилена политическая бдительность и зоркость к врагам народа. Надо прямо сказать, что не мало есть еще таких коммунистов, которые много говорят о повышении бдительности, а у себя под боком не замечают подлую работу врага. В райсоюзе уже давно работает Дурасов – бывший кулак, отец которого расстрелян за контрреволюционное эсеровское восстание в Гжатске. Этому негодяю – Дурасову созданы хорошие условия для работы. Пользуясь потерей политической бдительности, враг проводит контрреволюционную работу. Спрашивается: куда же смотрят коммунисты и партийная организация? Почему до сих пор они не разоблачили и не отдали под суд этого негодяя? Ведь в делах партийной организации не мало резолюций о повышении



бдительности! <...> Факты свидетельствуют о том, что многие коммунисты на словах клянутся в преданности партии, в своих выступлениях много болтают о повышении бдительности, но ничего не делают по разоблачению врагов народа, которые у них же на глазах ведут вредительскую, контрреволюционную работу. Из закончившегося судебного процесса все большевики партийные и непартийные должны извлечь политический урок и неослабно следить за происками врагов народа, своевременно разоблачать его, как бы он ни маскировался» (ГАНИСО. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 453. Л. 68).

Не случайно именно в конце августа 1936 г. появляется эта передовица в гжатской районной газете. Вспомним, какие события происходили в это время в нашей стране. 19 июня нарком внутренних дел СССР Ягода и Прокурор СССР Вышинский представили в Политбюро ЦК ВКП(б) список 82 «участников контрреволюционной троцкистской организации, причастных к террору», с предложением привлечь их к суду. И уже с 19 по 24 августа в Москве проходит открытый судебный процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Среди обвинений: убийство С. М. Кирова, подготовка покушений на Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе. Все 16 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны 25 августа 1936 г. Молодежь и комсомольцев в обязательном порядке знакомят с материалами процесса над антисоветским троцкистско-зиновьевским центром.

И в разных регионах страны ещё и ещё находят участников этой «преступной организации». Готовят новые судебные расправы над членами «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации». Так было осуждено ещё более 160 человек. В Гжатском р-не Смоленщины для этой цели был выбран Дмитрий Николаевич Дурасов. Еще бы, личность более чем подходящая: согласно газетной статье, его «отец расстрелян за контрреволюционное эсеровское восстание». Сам он – «затаившийся бывший кулак, ведет вредительскую, контрреволюционную работу», одним словом, «враг народа». И не случайно в риторической форме подаётся следующая фраза в газете: «почему до сих пор... не разоблачили и не отдали под суд этого негодяя?».

Этот провокационный политический донос мог стать для Дмитрия Николаевича концом его более или менее устроенной жизни. Ведь на весь Гжатский р-н его открыто заклеямили как «врага народа». Но этот 37-летний человек, уже многое в жизни повидавший, помнил трагическую судьбу своих родственников – дядей Николая и Матвея

Дурасовых, расстрелянных и брошенных карательным отрядом красноармейцев, словно бездомные собаки, на обочине лесной дороги. И он твердо решает бороться за свое честное имя. Не хочет в его деле разобраться секретарь Гжатского райкома ВКП(б) Большунов. Тогда он обращается в Смоленск, в запобком партии большевиков.

Аккуратным и убористым почерком грамотного человека на листе старой кассовой ведомости (видимо, некогда было искать чистый лист бумаги) начал он свое полное горести заявление: «В газете “За коллективизацию” от 28 августа № 115 в передовице указано, что в райсоюзе работает кулак, у которого отец расстрелян, что Дурасов проводит контрреволюционную работу и до сего времени не отдан под суд.

Я, ДУРАСОВ, по вопросу этой заметки пошел к секретарю Гжатского райкома тов. Большунову и стал его просить разобраться с заметкой, так как автор заметки совершенно не знает моей биографии.

Тов. Большунов выслушать меня отказался, сказав: что написано это правильно, что ты дышишь не советским духом и что нужно работать за советскую власть, подавай дело прокурору, такой ответ меня не мог удовлетворить, так как тов. Большунов меня совершенно не знал. Поэтому я решил просить Обком ВКП(б)/ разобрать мое дело, ускорить предъявление мне обвинения и, если я этого заслуживаю, отдать меня под суд или смыть с меня ту грязь, в которой меня обвинили на весь район и подорвали мой служебный авторитет.

Я родился в 1899 году в дер. Груздево Плисковского с/с, Гжатского района в семье крестьянина-середняка, отец мой до 1922 года жил все время на стороне и работал на разных работах. С 1922 года переехал в деревню и 1924 г. умер в больнице. Я до 1915 г. работал в деревне, после чего уехал в Москву, поступил работать на завод Гужон в прокатный цех. За принятие участия в августовской забастовке был уволен и осенью 1916 года уехал в Ленинград, поступил работать учеником в торговую палатку, после февральской революции тоже уволили, а в 1918 году я поступил работать в Москве на материальный склад Александровской ж. д., где и проработал до 1922 года рабочим, после чего уехал в деревню. С 1928 года и до сего времени я работаю на кооперативной работе. За все время моей работы я не имел ни одной растраты. Ни я, ни моя семья и родители никогда избирательных прав не лишались.

Были расстреляны в Гжатское восстание Дурасов Николай и Матвей, быв[шие] барышники, с которыми я ничего общего не имел и которые для меня только однофамильцы, так как Дурасовых у нас в деревне было 5 хозяйств.

У меня в настоящее время служит в рядах РККА брат лейтенантом, во время его приема в школу комсостава [в] 1931 году, а также и во время выпуска из школы в 1934 году наша семья все-сторонне проверялась и ничего чуждого в нашей семье не находили. Поэтому я еще раз прошу Вас ускорить расследование этого дела, так как я этим оскорблен до глубины души. К сему» – он подписался и поставил дату 1/IX 1936 года (ГАНИСО. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 453. Л. 71–71 об.).

Прочтя заявление, руководящий работник обкома, видимо, в чем-то усомнился: «Человек ищет справедливости, а сам отрекается от своих родных дядьёв для спасения своей репутации». И написал на верхнем левом углу серой бумаги: «Поручить районному НКВД проверить, кто такой Дурасов, действительно правильна ли заметка о том, кто расстрелян и что он кулак». Размашисто подписался и поставил дату.

И заявление Д. Н. Дурасова с сопроводительным распоряжением было направлено в Гжатск:

«Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

Запобком ВКП(б)

26 сентября 1936 г. № 20/427

ГЖАТСК Нач. РАЙОТД[ЕЛА] НКВД

Направляем Вам копию заявления и копии заметок из газеты о зав. сырьевым складом райсоюза ДУРАСОВЕ Д. Н. в том, что он сын кулака и его отец расстрелян за контрреволюционное эсеровское восстание. Просьба проверить этот материал и о результатах сообщить нам к 5.X-1936 г.

Зав. СОВТОРГОТДЕЛОМ ЗАПОБКОМА ВКП(б)/» подпись (Хирковский)

В районном отделе НКВД г. Гжатска письмо было получено и зарегистрировано с входящим номером 2177 2/X 36. Начальник Гжатского районного отдела Народного комиссариата внутренних дел, прочитав его, принял к исполнению, наложив резолюцию: «Плисковский т. Сологуб. При выезде в д. Груздево тщательно проверить этот материал, а по Райсоюзу сделаю я. 1/X 36» (ГАНИСО. Ф. 2814. Оп.1. Д. 453. Л. 74).

Минуло 18 лет со дня расстрела. Вряд ли в Плисковском сельсовете у уполномоченного НКВД Сологуба хранился какой-либо документ о расстреле груздевских крестьян в ноябре 1918 г. И об этом начальник Гжатского райотдела НКВД хорошо знал. Именно поэтому он чётко и ясно сформулировал в резолюции задание своему подчиненному: «тщательно проверить», то есть на месте, в деревне Груздево, провести расследование путем расспросов или даже допросов местных жителей.

В результате проведенных проверок райотдел

НКВД г. Гжатска под грифом «Сов-секретно» направил в Смоленский обком следующий документ:

«Зав. Совторготделом Зап. Обкома ВКП(б)/тов. Хирковскому.

Гор. С М О Л Е Н С К.

На № 20/427

Гжатское Р/О УНКВД сообщает, что гр-н Дурасов Дмитрий Николаевич происходит из крестьян дер. Груздево Плисковского с/совета Гжатского района. До революции и после х[озья]ство родителей было зажиточное, в котором работала мать, содержала работницу, а также периодически нанимала наемную сезонную силу на полевые работы. Отец проживал в гор. Ленинграде <...> до октябрьской революции, после чего переехал в дер. Груздево, где занимался с[ельским] х[озья]ством], умер в 1924 г. В период коллективизации Дурасов Д. Н. х[озья]ство свое самоликвидировал, и переехал на жительство в гор. Гжатск, и поступил на работу в Райсоюз, где и работает по настоящее время. В период Гжатского к[онтр]р[еволюционного] восстания дядя Дурасова Соболев Михаил, бывш[ий] кулак, дядя Дурасов Николай и Матвей барышники активно участвовали в К[онтр]Р[еволюционном] восстании, с оружием выгоняли население в 1918 г. идти в гор. Гжатск для свержения сов[етской] власти, за что отрядом красных расстреляны. Отец Проверяемого Дурасов Н. Н. в отношении участия в К[онтр]Р[еволюционном] восстании не доказано, что же касается помещенной заметки в районной газете Гжатского района [«]за коллективизацию[»], не подтвердилась» (ГАНИСО. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 453. Л. 73).

Текст этого недостаточно грамотного документа мы приводим без изменения, сохраняя сокращения и знаки препинания оригинала. Из его содержания видно, что основан он на опросах местных жителей.

И, основываясь на проведенной проверке всех обстоятельств дела, 19 ноября 1936 г. из Смоленского обкома партии было направлено письмо заявителю Дурасову Д. Н. и копии в Гжатский райком партии и в редакцию газеты:

«На Ваше заявление в Обком ВКП(б)/ по поводу помещенной в газете “За коллективизацию” от 28/VIII-с. г. заметки “Выше политическую бдительность”, в которой говорится, что Ваш отец был кулак, расстрелян за участие в контрреволюционном восстании, сообщаем Вам следующее, что специально проведенной проверкой установлено, что действительно заметка неправильна в той части, где указывается, что расстрелян был Ваш отец, на самом же деле был расстрелян не отец Ваш Дурасов Николай Николаевич, а Ваш родственник – дядя Дурасов Николай Ильич и еще один Ваш родствен-

ник, кулак Соболев Михаил. Хозяйство же Вашего отца было зажиточное, в котором имелась наемная сила /содержали работницу и нанимали сезонную рабочую силу/ на полевые работы.

Сами же Вы в период проведения коллективизации самоликвидировали Ваше хозяйство.

О допущенной редакцией газеты “За коллективизацию” ошибке в заметку, нами редакции сообщено.

Инструктор Обкома ВКП/б/ /СОРОКИН/» (ГАНИСО. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 453. Л. 75).

Внимательно читая эти документы в контексте времени их создания, надо помнить, что появились они в сложное для страны время внутривнутриполитической борьбы 1930-х годов. Была она продолжением внутривнутрипартийной борьбы первых лет советской власти. И красноармейский карательный отряд, даже спустя 18 лет, осмыслился как «карающая контрреволюционеров рука партии». А партия никогда не ошибается.

Посмотрим теперь на обстоятельства этого трагического события со стороны крестьянского мира, то есть жителей Груздева. Деревня в 30 с лишним домов. Пять из них Дурасовы – однофамильцы и родственники. Это по мужской линии. Да к тому же из них в каждом третьем или четвертом доме хозяйка – в девичестве Дурасова. То есть полдеревни – близкие и дальние родственники, свояки, кумовья. Надо хорошо знать жизнь русской деревни, и тогда трудно будет поверить, что трое многодетных соседей возьмут вдруг в руки оружие и будут принуждать остальных родственников и соседей идти за 25 км в губернский Гжатск свергать советскую власть. А вот это уже рожденная со временем легенда, которая явилась обоснованием «справедливого возмездия над контрреволюционерами». А о том, что 14 ноября 1918 г. из уездного центра волостным военкомом уезда поступил приказ сдать все имеющееся на руках оружие, и его собрали и отвезли в Гжатск, к тому времени забыли.

История с Д. Н. Дурасовым чудом сохранилась в документах областного партийного архива. В документах, увезенных в фашистскую Германию и чуть было не переработанных там в оберточную бумагу. Тайно вывезенных американскими союзниками и почти полвека используемых в антисоветской пропаганде. В конце концов они вернулись в родной Смоленск. Не чудо ли это, не знак ли это, как говорится, судьбы для оправдания невинно казненных крестьян?

Не исключено, что это, возможно, и есть единственное официальное свидетельство о расстреле груздевских крестьян Соболева Михаила, Дурасова Николая Ильича и Дурасова Матвея, без суда и

следствия и без предъявления им обвинения в активном участии в контрреволюционном восстании 1918 г. И главное – расследование проведено органами НКВД по указанию обкома партии. Казалось бы, чего ещё не достаёт?..

«Прокуратура Российской Федерации

Прокуратура Смоленской области

23.04.20 №13-107-19

Уважаемый Геннадий Петрович!

По Вашей просьбе повторно направляю информацию о рассмотрении Вашего обращения от 30.01.2020 г.

<...> В указанных материалах, находящихся на хранении в ГАНИСО, действительно содержатся сведения, изложенные в газетной публикации, а именно – сама публикация в газете “За коллективизацию” от 28 августа № 115, заявление Дурасова Д. Н., запрос ЗАВ. СОВТОРГОТДЕЛОМ ЗАПОБКОМА ВКП/б/ от 26.09.1936 года о направлении копии заявления Дурасова Д. Н. и заметки из газеты в отношении него с просьбой о проведении проверки, а также ответ Гжатского районного отделения НКВД от Х.1936 года.

<...> Статьей 1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 “О реабилитации жертв политических репрессий” закреплено понятие политических репрессий:

“Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни... осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями”.

В результате проведенной проверки никаких документов, подтверждающих факт применения репрессий со стороны государственных органов – ВЧК, ГПУ–ОГПУ, УНКВД–НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, “особых совещаний”, “двоек”, “троек” и иных органов, осуществлявших судебные функции, как это предусмотрено ст. Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 “О реабилитации жертв политических репрессий”, установить не представилось возможным.

Документально подтвержденных обстоятельств, при которых был расстрелян Дурасов Н. И., не имеется.

Обстоятельства, при которых якобы был арестован и впоследствии расстрелян Дурасов Н. И., которые Вы описываете в своем обращении, документально не подтверждены.

При таких обстоятельствах оснований, предусмотренных Законом <...> для принятия решения о реабилитации в отношении Дурасова Николая Ильича, не установлено.

В соответствии со ст. 8 Закона “О реабилитации жертв политических репрессий”, органы прокуратуры с привлечением по их поручению органов государственной безопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с неотменными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации в соответствии со статьями 3 и 5 Закона.

Как установлено в ходе проверки, подобного дела в отношении Дурасова Н. И. не имеется, в связи с чем не имеется как оснований для рассмотрения вопроса о реабилитации, так и основания для составления заключения об отказе в реабилитации, предусмотренного ч. 3 ст. 8 Закона. В случае несогласия с принятым по Вашему обращению решением, Вы имеете право обратиться в суд...». Проще сказать: для процедуры реабилитации необходимо еще и приговор. Нет приговора, нет и реабилитации.

И действительно, в 1991 г. в России был принят закон № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Он начинается такими словами: «За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». Осуждая многолетний террор и массовые преследования народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное Собрание Российской Федерации выражало «глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким» и заявляло «о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека».

Известно, что не до конца выверенный этот Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» был подписан Президентом Б. Н. Ельциным в спешном порядке. И обращен он был в основном на репрессии 1920-х, 1930-х, 1950-х годов. Уже в первые годы его применения стало выявляться множество недочетов. И изменения и дополнения вносились в этот Закон неоднократно: 26 июня, 22 декабря 1992 г., 3 сентября, 24 декабря 1993 г., 4 ноября 1995 г., 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 24 декабря 2002 г., 9 февраля, 23 октября, 23 декабря 2003 г., 22 августа 2004 г., 1 июля 2005 г., 1 июля, 30 ноября 2011 г., 9 марта 2016 г., 7 марта 2018 г.

Но, как мы видим, и по сей день не все исторические обстоятельства, особенно первых лет

молодой советской власти, в нем учтены. Особенно это касается событий и людей, репрессированных в 1917 и 1918 гг. Обратимся к историческим фактам.

Чтобы в пору всеобщей разрухи и разорения удержаться у власти, правительству молодой Страны Советов во что бы то ни стало надо было накормить город. Вот и забирали у жителей деревни все, что только можно было отобрать, вплоть до семян, тем самым обрекая самих жителей села на голодную смерть или на жизнь впроголодь. Крестьянский гнев породил беспощадный русский бунт. Только в 1918 г. в России полыхало 245 крестьянских восстаний. И даже тех, кого ложно обвинили в участии в этих выступлениях, казнили тогда без суда и следствия, то есть незаконно.

Хорошо известно, что глава Советского государства В. И. Ленин был человеком жестким и бескомпромиссным. Расстрел для Ленина – обычная норма политической жизни. По отношению к восставшим «нарушителям строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба» он требовал принятия самых решительных и крайних мер. А подобными мерами были тогда среди прочего расстрелы без суда и выяснения всех обстоятельств дела: «На месте стрелять, и все!». Ленин без тени сомнения отдавал приказы о бессудных расправах. Вот, к примеру, телеграмма от 20.08.1918 г.: «Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Предсовнаркома Ленин» (Ленин 1970: 160). Такой же бессудной расправой был и расстрел груздевских крестьян.

После расстрела Н. И. Дурасова прошло столетие. Сегодня живы его внуки, правнуки и праправнуки. И хочется надеяться, что их всех никогда не коснется тень обвинения родственника как «врага народа, которого заслуженно покарала советская власть». Кроме того, у потомков Н. И. Дурасова остается надежда, что после возвращения из США в Россию «Смоленского архива» и публикации содержащихся в нем документов появилась надежда внести необходимые дополнения и уточнения в Закон для причисления к жертвам политических репрессий с правом на реабилитацию таких же бессудно казненных, как Дурасов Николай Ильич, и на полном основании восстановить их доброе имя.

**Источники и материалы**

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 453.

Ленин 1970 – Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 160.

**Научная литература**

Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922). М., 2010.

Илькевич Н. Н. Стихийное крестьянское выступление в Гжатском уезде Смоленской губернии в ноябре 1918 года // Смоленская газета. 22 ноября 2010 г.

Фэйнсод М. Смоленск под властью советов. Смоленск, 1995.

Сикорский Е. Смоленский край после Октября: политические баталии (1917–1920 гг.) // Край Смоленский. 2001. № 9–10. С. 21–34.

**References**

Aleshkin, P. F. and Yu. A. Vasil'ev. 2010. *Krest'yanskaya voina v Rossii v usloviyakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstviy (1918–1922)* [The Peasant War in Russia under the Policy of War Communism and its Consequences (1918–1922)]. Moscow.

Il'kevich, N. N. 2010. Stikhiinoe krest'yanskoe vystuplenie v Gzhatskom uezde Smolenskoj gubernii v noyabre 1918 goda [Spontaneous peasant uprising in Gzhatsky district of Smolensk province in November 1918].

*Smolenskaya gazeta 22.11.2010.*

Feinsod, M. 1995. *Smolensk pod vlast'yu sovetov* [Smolensk under Soviet rule]. Smolensk.

Sikorskii, E. 2001. Smolenskii kraj posle Oktyabrya: politicheskie batalii (1917–1920 gg.) [Smolensk region after October: political battles (1917–1920)]. *Krai Smolenskii 9–10: 21–34.*

**RURAL EXECUTIONS WITHOUT TRIAL IN THE 1920s**

*Abstract.* The documentary essay is devoted to a little-studied phenomenon – the Red Terror, in particular extrajudicial killings, in rural Russia in the 1920s. The author cites the memories of his relatives, from whom he heard stories about similar practices of the Soviet government in the early years of its existence. The essay shows the obvious anti-people nature of the new «people's power», its laws aimed at supporting terror, the organization throughout the country of instruments of intimidating influence on the population: cruelty, swiftness and often extrajudicial nature of punishment, reliance on military force, the use of foreign-ethnic military contingent, legalization denunciations. Based on the materials of the Smolensk Archive, the author shows that the memorable evidence preserved in their family is confirmed by documents. It also provides justification for the need to improve law enforcement practice for the rehabilitation of victims of political repression.

*Keywords:* red terror, Soviet power, extrajudicial killings, peasant uprisings, suppression of uprisings by army units, «Smolensk Archive», Law «On the Rehabilitation of Victims of Political Repression», law enforcement practice.

*Author Info:* Durasov, Gennadij P. – historian, specialist in Russian folk culture, director of the People's Museum of Schema Nun Macaria (Artemyeva) in the village of Temkino, Smolensk region. E-mail: [gpd1945@yandex.ru](mailto:gpd1945@yandex.ru)

*For citation:* Durasov, G. P. 2023. Rural executions without trial in the 1920s. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 35: 68–80

*Funding:* The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

